

РЕКОНСТРУИРУЯ МЕТОД ДЖ. Л. ОСТИНА: 'ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЯ' КАК ТЕХНОЛОГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья имеет целью (обновленную) реконструкцию исследовательского метода известного британского философа-аналитика Джона Лэнгшо Остина (1911–1960) — изучения того, что мы говорим (должны говорить) в тех или иных обстоятельствах и почему, — альтернативную его 'каноническому' (и дискуссионному) описанию, данному более полувека назад Джеймсом Урмсоном. В статье метод Остина представляется как практическая технология философии и 'лингвистической феноменологии' и включает соответствующую систему стадий (целеполагание, сбор эмпирических данных, их объяснение), процедур, техник и методических ориентиров. Фиксируются и некоторые связанные с этим ограничения метода, прежде всего его нацеленность не столько на создание 'высокой' философской 'теории', сколько на обеспечение большей строгости, фактологической укорененности и тем самым полезности философских рассуждений.

Ключевые слова: Дж. Л. Остин, лингвистическая феноменология, обыденный язык, лингвистическая философия, аналитическая философия, методология философского исследования.

1. Введение. Настоящая статья представляет собой опыт 'технологической' реконструкции метода философского исследования, предложенного одним из известных британских философов-аналитиков Джоном Лэнгшо Остином, связанного с его проектом 'лингвистической феноменологии'. Учитывая роль Остина в аналитической философии XX века, подобная реконструкция — превращение индивидуального стиля в типовой инструмент [1, р. 35] — видится нетривиальной задачей, значимой как для взвешенного понимания творчества мыслителя, так и для плодотворного применения его методологических наработок в современных практиках [2, р. 1 ff.].

Будучи предметом целого ряда (в основном зарубежных) изысканий, методология Остина и связанные с ним техники и процедуры сохраняют дискуссионность. Среди прочего это обусловлено, во-первых, отсутствием развернутого изложения автором своего подхода, что способствует воспроизводству его конкурирующих интерпретаций [1–7]; во-вторых, идейной и функциональной проблемностью 'канонической' трактовки метода Остина, данной более полувека назад его младшим коллегой и редактором посмертных изданий его трудов, Джеймсом Урмсоном [8, 9].

В свете сказанного статья предлагает вариант альтернативной реконструкции метода Остина. Таковая, учитывая более широкий круг источников,

стремится (1) представить данный метод как практическую технологию; (2) переформулировать его замысел и структуру исходя из базовых установок автора (идей 'строгой' философии и 'лингвистической феноменологии'); (3) локализовать связанные с ними авторские техники и методические ориентиры. В силу ограничений объема статья прямо не обсуждает философскую ценность, новизну или само существование особого 'метода Остина', а также излагает материал прежде всего в системно-эксplikативном (а не полемическом) ключе.

2. 'Строгость' философии и 'лингвистическая феноменология': методологический подход Дж. Л. Остина. Видение Остином философии (дискуссионное в отсутствие его системных работ) обладает спецификой, значимой для понимания исследовательских приемов и практик автора: применяемый здесь ярлык 'философия обыденного языка' либо мало что объясняет, либо вообще вводит в заблуждение. С одной стороны, мыслитель разделяет ценность лингвистического анализа и самого по себе, и как необходимого предварительного этапа в решении философских задач [1, р. 34 ff.; 9, р. 23]. В обыденном языке Остин усматривает неиспользованный ресурс, способный обеспечить прогресс философии и преодоление ее главных пороков — склонности к упрощению, фиктивности, оторванности от реальной жизни (вопреки расхожим и неоправданным допущениям

философов о своем знании обыденного дискурса и одновременно о его 'негодности' для фундирования философских выводов) [10, р. 252, 178 ff.; 11, р. 38, 63; 3, р. 13; 1, р. 35–40; 2, р. 1 ff.]. С другой стороны, Остин занимает дистанцию в отношении лингво-аналитических проектов Витгенштейна, Райла и др., отвергая сведение всех философских проблем к проблемам языка, 'терапевтическое' устранение теоретической философии как неверного использования повседневного дискурса, а равно 'сакрализацию' последнего в качестве предельного критерия правильности философских утверждений [3, р. 18 ff.; 6, р. 93 ff.; 9, р. 23–24; 10, р. 69, 181, etc.].

Подход британского мыслителя представляется яснее на фоне соотношения философии и науки. Остин не утверждает единственно верного понимания философии, трактуя ее как разнородный набор изысканий, не получивших из-за отсутствия стандартных методов специального обозначения [3, р. 11; 8, р. 76]. Исторически именно философию он полагает источником всей рационально организованной мысли (бурным и полным идей 'Солнцем', от которого время от времени отделяются холодные, упорядоченные 'планеты' — науки) [10, р. 232]. При этом у Остина нет интереса в жестком разграничении философского и научного исследования: он проповедует применение единых стандартов истины и точности к любому серьезному предмету обсуждения, включая вопросы философии [1, р. 34; 3, р. 13; 12, с. 25; 4, р. 205–206]. Более того, автор пытается придать ей большую строгость и плодотворность, по сути, реформируя по научному образцу, когда коллектив ученых работает над созданием теории через сбор и анализ фактов и их наиболее убедительное объяснение [6, р. 92]. На этом пути Остин выступает последователем Рассела (и союзником Гуссерля) в приоритизации научного метода в философском рассуждении с опорой на эмпирические данные: по Остину, таковые позволяют достичь пусть и небольших, но уверенных открытий, в отношении которых достижимо согласие [10, р. 183, 274]. Вместе с тем в качестве таких 'данных' философ (в отличие от Рассела, Айера и др.) рассматривает не конструкции идеального языка или (в отличие от Гуссерля) эйдетические сущности, но прежде всего фактологию обыденного дискурса [6, р. 92 ff.].

В сжатом виде характер и резоны обращения Остина к обыденному языку выражены в программных тезисах его проекта 'лингвистической феноменологии' [4, р. 206; 7, р. 233 ff.; 10, р. 182; 13, р. 939 ff.]. Здесь автор, во-первых, фиксирует понимание слов как практических инструментов и, как следствие, требование их 'чистоты' — ясного понимания и ответственного использования философом во избежание языковых 'ловушек' [10, р. 181–182]. Во-вторых, он подчеркивает наличие в языке важных различий и связей, воплощающих опыт многих поколений и фундирующих их восприятие 'мира': многочисленность, прочность, утонченность, а также доступность таких различий и связей обуславливают приоритет анализа обыденного языка перед 'философией в кресле' — спекуляциями и интуициями философов. Более того, по Остину, анализируя словоупотребление, мы обращаемся не просто к словам (или 'значениям'), но к связанным с ними 'реалиям': «мы используем наше обостренное восприятие слов, чтобы обострить наше восприятие феноменов» [10, р. 182]. При этом,

в-третьих, слова, согласно автору, не являются прямым отражением мира, могут действовать как 'шоры', что требует от философии их обособленной оценки: обыденный язык выстроен вокруг повседневных практик и полон ошибок, вымыслов, предубеждений и пр., а потому, будучи в философском познании 'первым словом', он не может здесь быть (если это вообще возможно) 'последним словом' и всегда открыт дополнению, улучшению, замене [10].

3. 'Лингвистическая феноменология' как технология. Дж. Л. Остин традиционно ассоциирует свой метод с исследованием того, что мы говорим (должны говорить) в тех или иных обстоятельствах и почему [10, р. 69, 181, 274, etc.; 14, р. 334]. Вместе с тем подход мыслителя проблемно-ориентирован [3, р. 17], его содержание и методики формулируются кратко, фрагментарно и *ad hoc*.

В этом плане важной для освоения технологии Остина является ее 'каноническая' для зарубежной литературы реконструкция, данная Дж. Урмсоном [8, 9] на базе ряда академических практик философа (прежде всего *Saturday Mornings* [3, р. 13–15]), а также его неопубликованной заметки, двух очерков и материалов конференции [10, р. 205–232, 175–204; 14]. В трактовке Урмсона, 'техника' Остина нацелена на тщательное прояснение форм и понятий обыденного языка [9, р. 23; ср.: 8, р. 77] и включает стадии (1) полевых исследований, (2) достижения согласия и (3) построения теории [8, р. 77–81]. Более конкретно она подразумевает, что команда 'открыто-мыслящих' философов (1) выбирает область дискурса, связанную с интересующей их философской проблемой, (2) подбирает соответствующий словарный запас, (3) представляет себе примеры обстоятельств употребления отобранных слов и выражений, на базе чего (4) предлагает возможные объяснения полученных данных и (5) сопоставляет их с результатами других исследователей [9, р. 24–25].

Описание Урмсона, будучи крайне значимым как операционализация подхода Остина, помимо исторической давности, имеет ряд ограничений. Оно видится, с одной стороны, концептуально проблемным и неполным в отношении философского смысла и методологической цельности фиксируемых процедур, с другой — недостаточно технологичным в охвате и упорядочении авторских приемов и наставлений. Исходя из этого, уместно дать скорректированное изложение метода Остина в качестве технологии философского исследования, обобщающее заявления и практики мыслителя в свете как его идей 'строгой' / 'плодотворной' философии и лингвистической феноменологии, так и их интерпретаций в литературе. Метод Остина здесь можно сформулировать через следующие стадии, процедуры, техники и методические ориентиры.

А. Целеполагание: постановка философской задачи и определение объектов (лингвистического) анализа.

Начальный этап технологии Остина часто описывается как 'полевые исследования', подразумевающие определение анализируемых речевых ситуаций и подбор релевантного словаря [8, р. 77; 9, р. 24; 10, р. 186 ff., 274]. Однако эта трактовка видится концептуально неудачной. Она, с одной стороны, упускает из виду формулировку задач/программы исследования как начало любой исследовательской процедуры, с другой — проблематизирует философский статус метода автора [4, р. 208, 210;

6, р. 89, 91], изображая его как пример лексикографии.

С этих позиций даже в отсутствие своего четко обособления в текстах и практиках Остина [ср.: 10, р. 177–181], именно целеполагание оправданно считать первой стадией его целостной 'лингво-феноменологической' технологии, обеспечивающей ее философский характер [15, р. 88] (дистанцированный от философского 'взгляда' и навыка анализ языка, самоценный для Остина [9, р. 23], лучше рассматривать как связанный, но самостоятельный образец познавательной практики). Соответственно, коллектив философов начинает либо должен начинать с уяснения (позитивной или критической) философской задачи, переходя далее к поиску средств ее решения, что в рамках подхода британского мыслителя означает прежде всего обращение к анализу обыденного языка (как, например, при концептуализации понятия действия через анализ 'извинений' или возможности знания через разбор употребления выражений «Я знаю, что...» [10, р. 177 ff., 97 ff.]). В свете философской задачи происходит определение объектов анализа, то есть выбор подходящей сферы дискурса [9, р. 24], включая типологию и систематизацию задействуемых (языковых) ресурсов [10, р. 186; 12, с. 38–39].

Остин не связывает с выделяемой стадией особых техник. Вместе с тем его подход обнаруживает ряд важных здесь методических ориентиров. Во-первых, в свете центрирования обыденного языка как ресурса и фундамента лингвистической феноменологии, автор подчеркивает предпочтительность применения своего метода к ситуациям, где обыденный дискурс «наиболее богат и утончен» и одновременно «не втопан в трясины и колеи» традиционной философии — не «заражен жаргоном вымерших теорий», легко и незаметно вовлекающим предрассудки исследователей [10, р. 182–183, 208; также см.: 8, р. 78]. Такое наставление *inter alia* объясняет мотивы обращения автора к неклассическим для философии темам (восприятие, память, артефакты, притворство, ответственность и пр. [3, р. 15; 8, р. 77]), а равно очерчивает пределы его методологии. Во-вторых, требуя фактуальной укорененности философских выводов и, соответственно, полноты и репрезентативности эмпирико-лингвистических данных, Остин, с одной стороны, указывает на необходимость выбора ограниченной по охвату темы исследования [6, р. 97; 14, р. 332], с другой — предполагает использование различных и не сводимых к обыденному языку ресурсов (например, при анализе действия — языка права и психологии), учитывающее их специфику и значимость [ср.: 10, р. 185–189].

В.1. Формирование эмпирической базы данных: подготовка словаря.

Следующая череда шагов в технологии Остина структурируется Урмсоном в рамках стадий 'полевых исследований' и 'достижения согласия' [8, р. 77 ff.], соотносимых с выбором сферы дискурса и подбора словаря, а также согласованного описания его употребления [9, р. 24].

Однако такая трактовка, как кажется, дает не вполне удачное обозначение и разграничение стадий, размывает их цель. По Остину, философии недостает предварительных 'данных', в определении которых достижимо согласие, обеспечивающее (как в ряде наук) отправную точку и верное направление движения: в физике такое согласие достигается через экспериментальный метод, в философии —

через беспристрастное изучение того, «что говорилось бы, когда...», ибо согласие по этому вопросу образует согласие по способу описания и постижения фактов [6, р. 92 ff.; 14, р. 334; ср.: 10, р. 183, 274]. С этих позиций выделяемые Урмсоном этапы и процедуры суть средства достижения одной цели, которые оправданно считать элементами единой стадии сбора и согласованного описания опытных данных. Здесь уместна и дифференциация подэтапов, притом что эмпирическое изучение языка не сводится к подготовке словаря, предполагая анализ контекстного употребления, а достижение согласия вряд ли ограничено в технологии одним моментом.

С учетом сказанного следующим подэтапом в технологии Остина можно считать формирование словаря терминов и выражений избранной сферы дискурса (или 'полевую работу' [10, р. 183]).

По Урмсону, группа философов, после определения области речи, собирает образующий ее словарный запас, сначала представляя и перечисляя все возможные (не только самые главные или обсуждаемые) относящиеся к ней термины, затем отыскивая в словарях синонимы (и синонимы синонимов), читая нефилософскую литературу по теме, и так далее. Параллельно фиксируются выражения/идиомы, включающие данную терминологию, где таковая может встречаться оправданно, и, что важнее, где вопреки кажущемуся априорному правдоподобию она может быть признана негодной для употребления [9, р. 24].

Изложение Урмсона можно дополнить альтернативным описанием самого Остина, касающимся анализа 'извинений' (где кроме воображения в качестве 'систематических вспомогательных средств' используются словарь английского языка, книги по психологии и праву [10, р. 186–189]). Остин отмечает две техники подбора запаса (обыденных) терминов и выражений, которые отталкиваются либо от соответствующего словаря, либо от известного словоупотребления с его дальнейшим словарным уточнением и развитием. Первый вид подразумевает прочтение словаря 'от корки до корки' с выписыванием значимой терминологии, второй — широкий отбор очевидных терминов по теме, последующую сверку по каждому из них со словарем, выявление в их дефинициях новых релевантных элементов (не только синонимов) вплоть до замыкания 'семейного круга' значимой терминологии, а также кластеризацию последней [10, р. 186–187].

Помимо этого, подход Остина подразумевает здесь ряд методических требований. Во-первых, строгость в подборе фактологии для философских суждений обуславливает необходимость 'полной и скрупулезной описи' предмета: дескриптивная полнота позволяет увидеть сложность используемого нами языка, а значит, богатство и множественность нашего опыта, обеспечивая тем самым репрезентативность философских конструкций [6, р. 97–99; 14, р. 232–233, 332–333; ср.: 10, р. 186; 16, р. 162]. Во-вторых, лингвистическая феноменология задает тип языкового исследования: его сосредоточенность не на всех возможных речевых практиках, но именно на устоявшихся, проверенных временем структурах (различениях и связях), выражающих практический опыт/взгляд сообщества. Отсюда предпочтение отдается анализу положений (краткого) словаря английского языка [10, р. 186], а не протоколированию высказываний 'человека с улицы' [6, р. 96; 7, р. 243 ff.].

В.2. Формирование эмпирической базы данных: 'согласованная' экспликация образцов/стандартов словоупотребления.

Следующий подэтап в технологии Остина связан с более детальным обсуждением подобранного словаря в контексте (реальных и, прежде всего, воображаемых) речевых ситуаций с целью выявления и согласованного описания принятых дискурсивных образцов/стандартов [10, р. 274]. Он также ассоциируется автором с 'экспериментальными' изысканиями и данными [10; 13, р. 12 ff.].

По Урмсону, рассматриваемый подэтап состоит в фиксации 'здоровых' и 'болезненных' случаев употребления ранее созданного словаря. Исследовательская группа, придумывая и рассказывая обстоятельные «истории» или ведя диалоги, приводит как можно более ясные и подробные примеры обстоятельств, где нам следует употреблять (где мы употребляем) тот или иной термин, где предпочтительней использовать той или иной идиомы (в том числе показывая уместность применения одного синонима, а не другого). Здесь также важно, с одной стороны, выдавать истории и диалоги, максимально похожие на примеры корректного использования некоего термина или идиомы, в которых, однако, таковое невозможно или кажется неуместным, с другой — отмечать выражения, которые, не будучи в явном противоречии с грамматикой или абсурдными иным образом, неупотребимы в принципе [8, р. 79; 9, р. 24].

Дополняя Урмсона, следует подчеркнуть особый акцент Остина на анализе языковых ограничений («Того, что мы не можем сказать»), ситуаций оспаривания утверждений («Откуда вы знаете, что...?») и последующих реакций/обоснований [10, р. 77 ff.], а равно 'сбоев в коммуникации': по мысли автора, норма часто становится понятней через свои нарушения [Ibid., р. 179–180]. Технический арсенал здесь может включать [12, с. 39–41]: изучение (а) коммуникативных 'неудач' — обстоятельств, когда то, что мы говорим, не срабатывает совсем или должным образом (как в случае произнесения слов согласия на бракосочетании при не расторгнутом браке либо дачи обещания без намерения его выполнить [16, р. 14 ff.]); (б) нетипичных речевых ситуаций, когда привычные языковые средства оказываются неадекватными, и у нас 'нет слов' (например, когда неожиданно звучат филиппики от беззлобной кошки либо щегол вдруг взрывается или цитирует г-жу Вульф [10, р. 67, 88]); (в) альтернативного норме или отклоняющегося от нее словоупотребления (способов описания одного и того же действия, принесения извинений и пр. [10, р. 184]).

На данном подэтапе высвечивается важный аспект технологии Остина — особая роль исследовательского коллектива. Для автора речевая практика непонятна вне установок носителей языка. Отсюда в его методе языковые комплексы и стандарты фиксируются не через обращение к 'внешним' (социологическим, статистическим и т.п.) фактам, но через 'групповую интроспекцию' [15, р. 87], то есть через самопознание представителей соответствующего языкового сообщества, сопоставление своих оценок и опыта с оценками и опытом других, через достижение дескриптивного согласия [7, р. 243–245]. Исследовательская группа выступает здесь 'образцом самой себя' [8, р. 80; 9, р. 25], ее ценность обусловлена не столько масштабностью задач, эффективностью, ориентацией на науку и пр., сколько ее необходимостью как 'формата'

производства и валидации экспериментальных данных. В то же время рассматриваемый аспект обрывает и ограничения метода Остина: повышенные организационные требования, возможность 'коллективной ошибки' [13, р. 10 ff.], а главное — лимитированность результатов определенной языковой культурой.

Далее, в текстах Остина разделяется получение данных и их согласование [10, р. 274]. Однако, судя по всему, момент согласия необходимо вплетен в структуру групповой работы, в связи с чем, вопреки Урмсону, его 'достижение' лучше мыслить не особым этапом исследования, а итоговым признанием данных и требованием к их статусу [14, р. 334].

Методологически Остин настаивает на частой достижимости согласия в описании обыденного языка (тем самым полемизируя о строгости подобных данных с Расселом, Айером и др.) [10, р. 183; 6, р. 92–93, 99 ff.]. Методически его тексты и практики обнаруживают ряд связанных с этим процедур. Прежде всего, это расширение 'плана' описания — представление объекта в бульших нюансах, на фоне всевозможных 'историй', воображаемых обстоятельств и пр. По Остину, расхождения в описании 'одной и той же' ситуации зачастую вызваны обращением к слегка различным случаям (ее 'полное' описание недостижимо) и уменьшаются/снимаются при росте детализации. Если же иногда разногласие остается, оно также подлежит объяснению через экспликацию альтернативных вариантов выражения/мысли или мотивов 'вольного' словоупотребления [10, р. 183–184].

Примечательно, что автор не упоминает теоретическую аргументацию как способ согласования. Это принципиальное методическое требование Остина, обеспечивающее строгость рассуждения: преждевременное теоретизирование, подстраивая языковые идиомы под себя, может 'ослепить' нас в отношении лингвистических фактов, а потому подлежит 'редукции' — выведению за рамки эмпирической стадии исследования [7, р. 243–245; 8, р. 80].

Общим результатом второй стадии должно стать «как можно более полное, ясное и точное» описание выражений [9, р. 77] избранной сферы дискурса, признанное носителями соответствующего языка.

3. Объяснение эмпирических данных: определение языковых значений, экспликация понятий, «построение теории».

Итоговая стадия технологии Остина связана с 'теоретическим' объяснением и использованием полученных опытных 'данных'.

В изложении Урмсона, она подразумевает определение значения терминов и их взаимоотношений, объясняющее эти данные (прежде всего то, почему, несмотря на априорную правдоподобность ряда выражений, мы на деле не можем их использовать). Именно здесь, помимо эмпирической проверки создаваемых 'теорий', допускается их сравнение с доктринами — конкурентами (трактовыми области речи другими философами и лингвистами) [8, р. 80; 9, р. 24–25].

Отмеченное Урмсоном 'теоретизирование', судя по урокам и результатам изысканий Остина [10, р. 189 ff., 274 ff.], воплощается в двух аспектах 'объяснительного определения' [10, р. 189; 10, с. 41]. Во-первых, это прояснение 'значений' языковых выражений, их классификация и систематизация

вплоть до формирования картины описываемой сферы дискурса (разграничений, несовместимостей, связей, стандартов применимости, средств и эффектов отрицания, усложнения, модификации и пр.) [10, р. 189 ff.]. Во-вторых, это выявление и систематизация повседневных 'понятий' носителей языка [10, р. 274], вскрытие соответствующих мировоззренческих моделей, допущений, базовых идей (например, когда мы приходим к пониманию и типологии множества 'действий', определяя значения элементов дискурса 'извинений', их соотношение, исходные формы и пр. [10, р. 189 ff.]). Синкретизм данных процедур обусловлен методологией Остина, для которого строгость философствования достигается через 'картографию' полей сознания, высвечиваемых примерами словоупотребления [7, р. 238]. Вместе с тем в свете лингвистической феноменологии как 'обострения восприятия' опытного мира, именно понятийную экспликацию можно считать ключевой для исследовательских целей автора [ср.: 10, р. 274].

Третья стадия связывается Остином с различным инструментарием. Так, в числе техник определения значений он называет способы 'согласия' и 'различия', то есть выявление того, что присутствует в случаях, когда мы употребляем некий термин (например, присоединяя к глаголу слово 'намеренно'), и что отсутствует, когда мы этого не делаем [10]. Крайне важным здесь видится и характерное для автора 'проведение разграничений', когда значение термина/понятия раскрывается через сопоставление с другими (особенно в синонимии) [4, р. 208–210; 6, р. 94, etc.].

К арсеналу техник также относятся приемы грамматического анализа (установления зависимости значений от вида части слова или речи, способа словообразования, организации предложения и т.п.) [10, р. 279–282] и анализа этимологии. В рамках последнего, поскольку слово не может 'стряхнуть' свое происхождение, с одной стороны, оно постигается через исходную идею, направляющую его исторические изменения, с другой — заданная в слове простая концептуальная модель позволяет понять сложные случаи, проясняя скрытые здесь различия близких терминов или указывая источник заблуждений, вызванных распространением исходной модели на неуместные образцы [10, р. 274, 201–203].

Полученные объяснения далее оцениваются в более широком контексте — сравниваются с иными 'теориями' и фактами (в том числе на предмет неадекватностей обыденного языка [10, р. 67–69, 203–204]).

Однако, и это упускается Урмсоном, полноценность технологии подразумевает, что подобные шаги осуществляются в контексте целей исследования: того, насколько результаты решают поставленную философскую задачу.

В этом пункте обнаруживается важная черта (и границы) авторской технологии. Метод Остина, по сути, не ориентирован на создание 'высокой' философской 'теории': его критическая и позитивная функции состоят в обеспечении базы, с одной стороны, для коррекции доктрин, не учитывающих опытные данные [ср.: 11], с другой — для более надежных (пусть и 'приземленных') теоретических обобщений [4, р. 209–210; 10, р. 177–181; 14, р. 333–334]. Остин допускает построение 'большой' теории [ср.: 14], но лишь при (приоритетном для него) строгом следовании требованиям метода

[7, р. 246–247; 8, р. 77]. Здесь он, пожалуй, не дает четких ориентиров [4, р. 207], оставляя открытым вопрос о переходе от 'фактов' к 'теории' (особенно учитывая проблемность 'последнего слова' [10, р. 182, 185]). Можно лишь утверждать, что, по наставлению автора, создаваемая теория должна строиться либо на разграничениях и связях, заложенных в обыденном языке (как 'первом слове'), либо предлагать собственный язык, лучше адаптированный к предмету изучения, четко осознавая при этом имеющиеся ресурсы повседневного дискурса и проводя дополнение/корректуру только там, где они неадекватны или недостаточны [1, р. 35–36; 11, р. 63].

4. Заключение. Таким образом, метод Дж. Л. Остина доступен реконструкции в качестве технологии, опирающейся на детальный анализ обыденного языка (и иных ресурсов) и включающей стадии целеполагания, сбора эмпирических данных, их 'теоретического' объяснения. Метод реализует авторский проект 'лингвистической феноменологии' как понятийной экспликации проявленного в языке социального опыта и призван обеспечить не столько создание масштабных теорий, сколько бульшую строгость, фактуальную укорененность и тем самым плодотворность философских рассуждений.

Библиографический список

1. Hampshire S. J. L. Austin 1911–1960 // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 33–48. ISBN 978-0-203-80515-2.
2. Forsberg N. Lectures on A Philosophy Less Ordinary: Language and Morality in J. L. Austin's Philosophy. New York: Routledge, 2021. 266 p.
3. Warnock G. J. John Langshaw Austin: A Biographical Sketch // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 3–21. ISBN 978-0-203-80515-2.
4. Cavell S. Austin at Criticism // Philosophical Review. 1965. Vol. 74, № 2. P. 204–219. DOI: 10.2307/2183265.
5. DiGiovanna J. J. Linguistic Phenomenology: Philosophical Method in J. L. Austin. New York: Peter Lang, Inc., 1989. 211 p. ISBN 0-8204-0877-8.
6. Birken-Bertsch H. Austin's Method // J. L. Austin in Language. Philosophers in Depth / Ed. B. Garvey. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 89–107. ISBN 978-1-349-46078-6.
7. Leeten L. Ordinary Language Philosophy as Phenomenological Research: Reading Austin with Merleau-Ponty // Philosophical Investigations. 2021. Vol. 45, № 3. P. 227–251. DOI: 10.1111/phin.12306.
8. Urmson J. O. A Symposium on Austin's Method (I) // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 76–86. ISBN 978-0-203-80515-2.
9. Urmson J. O. Austin's Philosophy // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 22–32. ISBN 978-0-203-80515-2.
10. Austin J. L. Philosophical Papers / Eds. J. O. Urmson, G. J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1979. 313 p.
11. Austin J. L. Sense and Sensibilia / Ed. G. J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1962. 144 p.
12. Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Изд-во СаГА, 2014. 472 с. EDN: UHEJKT.
13. Longworth G. The Ordinary and the Experimental: Cook Wilson and Austin on Method in Philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2018. Vol. 26, № 5. P. 939–960. DOI: 10.1080/09608788.2017.1413539.
14. Royaumont C. La Philosophie analytique. Paris: Les Éditions de Minuit, 1962. 348 p.

15. Quine W. V. O. A Symposium on Austin's Method (II) // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 86–90. ISBN 978-0-203-80515-2.

16. Austin J. L. How to Do Things with Words / Ed. J. O. Urmson. Oxford: Clarendon Press, 1962. 174 p.

ORCID: 0000-0001-5541-9181

AuthorID (SCOPUS): 57223017256

ResearcherID: AFI-0728-2022

Адрес для переписки: kasatka_s@bk.ru

Для цитирования

Касаткин С. Н. Реконструируя метод Дж. Л. Остина: 'лингвистическая феноменология' как технология философского исследования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 3. С. 83–89. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-83-89.

Статья поступила в редакцию 27.03.2024 г.

© С. Н. Касаткин

КАСАТКИН Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Теории права и публично-правовых дисциплин» Самарского государственного экономического университета, г. Самара.
SPIN-код: 6195-5396
AuthorID (РИНЦ): 623354

UDC 1 (091), 101.8

DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-83-89

EDN: MIHCNA

S. N. KASATKIN

Samara State
University of Economics,
Samara, Russia

RECONSTRUCTING J. L. AUSTIN'S METHOD: 'LINGUISTIC PHENOMENOLOGY' AS A TECHNOLOGY OF PHILOSOPHICAL RESEARCH

This article is aimed at an (updated) reconstruction of the method of philosophical research proposed by the prominent British analytical philosophers, John Langshaw Austin (1911–1960) — a study of what we (should) say when and why — alternative to its 'canonical' (and debatable) account, given more than half a century ago by Austin's colleague and editor, James Urmson. Resting on a wider range of sources, the article, first, presents the Austin's method as a practical technology, second, reformulates its intention and structure based on the key attitudes of the British thinker (the ideas of 'strict' philosophy and 'linguistic phenomenology'), third, localizes the methodical components associated with them by the author. As a result, the Austin's method is revealed by means of three research stages (goal setting, formation of an empirical database and its theoretical explanation) with their inherent tasks, procedures, techniques and methodical guidelines. Some related limitations of the author's method are also fixed, first of all, its focus not so much on creating a 'high' philosophical 'theory', as on ensuring a greater rigor, factual rootedness and thereby usefulness of philosophical reasoning.

Keywords: J. L. Austin, linguistic phenomenology, ordinary language, linguistic philosophy, analytical philosophy, methodology of philosophical research.

References

1. Hampshire S. J. L. Austin, 1911–1960 // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 33–48. ISBN 978-0-203-80515-2. (In Engl.).

2. Forsberg N. Lectures on A Philosophy Less Ordinary: Language and Morality in J. L. Austin's Philosophy. New York: Routledge, 2021. 266 p. (In Engl.).

3. Warnock G. J. John Langshaw Austin: A Biographical Sketch // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 3–21. ISBN 978-0-203-80515-2. (In Engl.).

4. Cavell S. Austin at Criticism // Philosophical Review. 1965. Vol. 74, no. 2. P. 204–219. DOI: 10.2307/2183265. (In Engl.).

5. DiGiovanna J. J. Linguistic Phenomenology: Philosophical Method in J. L. Austin. New York: Peter Lang, Inc., 1989. 211 p. ISBN 0-8204-0877-8. (In Engl.).

6. Birken-Bertsch H. Austin's Method // J. L. Austin on Language. Philosophers in Depth / Ed. B. Garvey. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 89–107. ISBN 978-1-349-46078-6. (In Engl.).

7. Leeten L. Ordinary Language Philosophy as Phenomenological Research: Reading Austin with Merleau-Pon-

ty // Philosophical Investigations. 2021. Vol. 45, no. 3. P. 227–251. DOI: 10.1111/phin.12306. (In Engl.).

8. Urmson J. O. A Symposium on Austin's Method (I) // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 76–86. ISBN 978-0-203-80515-2. (In Engl.).

9. Urmson J. O. Austin's Philosophy // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 22–32. ISBN 978-0-203-80515-2. (In Engl.).

10. Austin J. L. Philosophical Papers / Eds. J. O. Urmson, G. J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1979. 313 p. (In Engl.).

11. Austin J. L. Sense and Sensibilia / Ed. G. J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1962. 144 p. (In Engl.).

12. Kasatkin S. N. Kak opredelyat' sotsial'nyye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyayemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta [How to Define Social Concepts? Herbert Hart's Concept of Ascriptivism and the Abrogation of Legal Language]. Samara, 2014. 472 p. EDN: UHEJKT. (In Russ.).

13. Longworth G. The Ordinary and the Experimental: Cook Wilson and Austin on Method in Philosophy // British Journal for the History of Philosophy. 2018. Vol. 26, no. 5. P. 939–960. DOI: 10.1080/09608788.2017.1413539. (In Engl.).

14. Royauumont C. La Philosophie analytique. Paris: Les éditions de Minuit, 1963. 348 p. (In Fr.).

15. Quine W. V. O. A Symposium on Austin's Method (II) // Symposium on J. L. Austin / Ed. K. T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 86–90. ISBN 978-0-203-80515-2. (In Engl.).

16. Austin J. L. How to Do Things with Words / Ed. J. O. Urmson. Oxford: Clarendon Press, 1962. 174 p. (In Engl.).

KASATKIN Sergey Nikolaevich, Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Theory of Law and Public Law Disciplines Department, Samara State University of Economics, Samara.

SPIN-code: 6195-5396

AuthorID (RSCI): 623354

ORCID: 0000-0001-5541-9181

AuthorID (SCOPUS): 57223017256

ResearcherID: AFI-0728-2022

Correspondence address: kasatka_s@bk.ru

For citations

Kasatkin S. N. Reconstructing J. L. Austin's Method: 'Linguistic Phenomenology' as a Technology of Philosophical Research // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 3. P. 83–89. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-83-89.

Received March 27, 2024.

© S. N. Kasatkin